

МИНИСТЕРСТВО ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ И ЭКОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРИРОДНЫЙ ЗАПОВЕДНИК «УТРИШ»

ОХРАНА БИОТЫ В ГОСУДАРСТВЕННОМ ПРИРОДНОМ ЗАПОВЕДНИКЕ «УТРИШ»

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ. Том 3. 2014

МИНИСТЕРСТВО ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ И ЭКОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРИРОДНЫЙ ЗАПОВЕДНИК «УТРИШ»

ОХРАНА БИОТЫ В ГОСУДАРСТВЕННОМ ПРИРОДНОМ ЗАПОВЕДНИКЕ «УТРИШ»

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ. Том 3. 2014

ООО «Полиграф-ЮГ»
Майкоп – 2015

УДК 599.533

ИСТОРИЯ УТРИШСКОЙ БИОСТАНЦИИ ИНСТИТУТА ПРОБЛЕМ ЭВОЛЮЦИИ И ЭКОЛОГИИ им. А. Н. Северцова РАН (ИПЭЭ РАН)

Е.В. Романенко

*Институт проблем эволюции и экологии имени А.Н. Северцова РАН,
Россия, 119071, Москва, Ленинский проспект, 33*

Описаны предпосылки возникновения и этапы формирования Утришской морской станции ИПЭЭ РАН.

Фактически история Утришской морской станции Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН начинается в 1972 году, когда в районе поселка Большой Утриш Анапского района Краснодарского края начала работать Черноморская экспедиция Института им. А.Н. Северцова, хотя официально станция была создана в 1977 году.

Первое использование Большого Утриша в качестве базы для исследования дельфинов следует отнести к лету 1963 года, когда я с группой сотрудников Акустического института АН СССР прибыл на Утриш. В состав экспедиции помимо сотрудников института входил также Томилин Авенир Григорьевич и его сотрудник Б. Д. Артеменко. Собственно говоря, именно Авенир Григорьевич посоветовал работать на Большом Утрише, так как он хорошо знал тот район побережья Черного моря. Он же посоветовал обратиться к местным рыбакам с просьбой отловить для нашей экспедиции живых дельфинов. В то время еще не было запрета на их промышленный лов. Запрет ввели в 1966 году. Поэтому не требовалось специального разрешения на отлов дельфинов для научных целей. Рыбаки за небольшую плату (канистра спирта) отловили для нас 7 болобочек. В то время отловом дельфинов ведал примечательный человек – старый рыбак по фамилии Бузун. Но тем не менее рыбаки говорили, что если уговорить Бузуна, то дельфины будут. Они говорили примерно так «Если Бузун возьмется, то рыба будет». Рыбой рыбаки обычно называли дельфинов.

Отловленные дельфины были не лучшего качества. Рыбаки на промысле дельфинов обычно не церемонятся. Пойманных для переработки дельфинов добивали ударами специальной колотушки по голове.

Пойманных для нас дельфинов оставили в живых, но дельфинам при отлове вода попала в легкие и возник воспалительный процесс. Болобочек мы содержали в лагуне у маяка, отгороженной от моря сетью. Сети и тросы для загородок мы покупали в анапском рыбколхозе. Надо сказать, руководство колхоза и рядовые рыбаки очень благожелательно к нам относились – помогали, чем могли. После того, как все дельфины в конце концов погибли (по-видимому, от пневмонии), я сдал их в рыбцех на переработку. При этом с меня потребовали оплату (амортизационные расходы) по 1 руб. 34 копейки за голову.

Мы изучали звуки дельфинов и морфологию звукоизлучающих органов. По материалам экспедиции была опубликована статья.

Во второй половине шестидесятых годов в Севастополе был построен дельфинарий ВМФ и меня пригласили туда работать с дельфинами. Там я работал в 1968–1970 годах. Однако условия работы в дельфинарии были не очень комфортными. Военная часть, которой принадлежал дельфинарий, требовала плату за право работать с дельфинами. Появилась идея создать собственную базу. В 1970 году в поисках места для новой базы я решил осмотреть побережье Крыма и Кавказа и проехал много километров по побережью на экспедиционной машине. В этой поездке со мной участвовал Родионов В.А. Мы осмотрели берег Казантипского залива в Крыму и побережье вблизи Феодосии. На кавказском побережье мы доехали до Гагр. Однако

ничего лучше района Большого Утриша мы не нашли. Сотрудник биофака МГУ Л.Б. Казаровицкий, который работал в то время с экспедицией в Крыму на мысе Тарханкут, приглашал нас создать совместную базу на Тарханкуте. Но директор нашего Института Владимир Евгеньевич Соколов, который знал о наших поисках нового места для базы, ознакомившись с моими фото-снимками Тарханкута и Утриша, остановился на варианте Утриша.

В 1972–1975 годах на Большом Утрише работала экспедиция ИЭМЭЖ. В ней также принимали участие сотрудники МГУ. Общая численность временами достигала 15–20 человек. В 1972 году в нашем распоряжении было 36 дельфинов афалин. Дельфинов отловили для нас рыбаки на тех же условиях, что и в 1963 году (за спирт). Правда к тому времени Бузуна уже не было и договариваться приходилось с председателем новороссийского рыбколхоза с подношением бутылки хорошего коньяка. Обычно выезду экспедиции к месту работ предшествовала моя поездка в Новороссийск к председателю рыбколхоза.

Первое время такое большое количество дельфинов содержали в той же лагуне у маяка, что и в 1963 году. Но дельфинов было много, а лагуна маленькая, поэтому было решено перебазировать дельфинов в «Змеиное» озеро приблизительно в километре от лагуны.

Для этого были сконструированы две специальные рамы, обтянутые сеткой. Рамы находились на плаву и в них погружали дельфинов по два в каждую раму. Дельфины при этом были погружены до половины в воду и вели себя очень спокойно. Рамы привязывали к лодке, которая на веслах медленно двигалась от лагуны к озеру. Озеро соединялось с морем небольшим проливом. В озере дельфинов выгружали в специальные загородки – вольеры, в которых и работали с животными. Проблем с кормом для дельфинов не было. В рыбцеху мы покупали мелкую мороженую рыбу (обычно это была ставрида, иногда скумбрия, которые стоили приблизительно 50 копеек за килограмм).

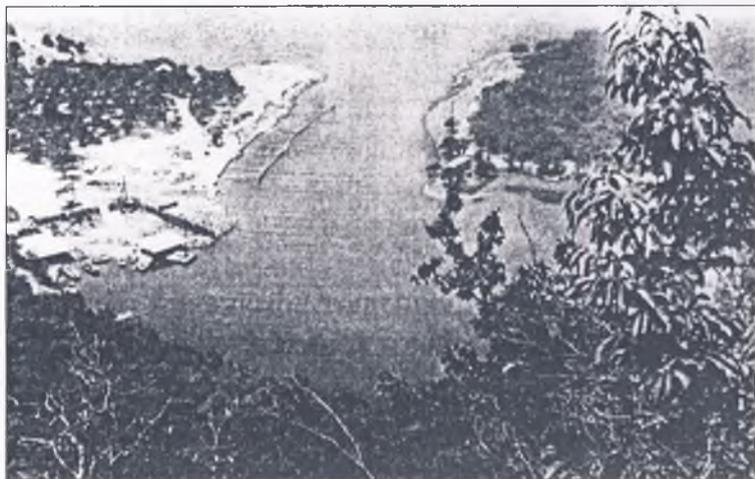

Рис. 1. Змеиное озеро. 1972 г. Видны вольеры и рыболовецкий стан

На берег озера завезли домики-временки, в которых жили сотрудники. Были также установлены большая армейская палатка, которая служила лабораторным помещением, и разборный бассейн размером 12 м х 6 м х 1 м. Располагавшиеся рядом с экспедицией рыбаки позволили провести в домики и палатку электричество. В палатке проводились морфологические и физиологические исследования. В бассейне проводили работы по изучению эхолокации и коммуникации дельфинов. С лабораторной палаткой у меня связаны неприятные воспоминания. Однажды я едва не погиб в ней от удара электрическим током. В центре палатки стоял столб, поддерживавший палатку. На столбе была закреплена электрическая розетка, к которой подведено электричество. В какой-то момент времени в экспедиционном лагере отключилось электричество и я решил проверить наличие напряжения в розетке. Взял измерительный прибор, воткнул два щупа в розетку и стал следить за показаниями прибора. Надо сказать, что пол в палатке был земляным и мокрым после дождя. Прибор был довольно тяжелым, я держал его в левой руке и как-то случайно прикоснулся пальцами к клемме прибора. И в то же мгновение меня парализовало. Я не мог двинуться с места и не мог крикнуть, чтобы позвать на помощь. За стенами палатки разговаривали сотрудники. Я слышу их разговор, но не могу дать им знать о своей беде. Меня спасло то, что парализованная рука не удержала прибор, он выпал, цепь разомкнулась и я почувствовал, что могу двигаться и говорить. Если бы паралич продлился еще несколько секунд, сердце могло бы не выдержать.

Надо сказать, что успех нашей работы во многом зависел от отношений с местными рыбаками. Контингент рыбаков был весьма своеобразным. Это были преимущественно бывшие заключенные, которые здесь селились после освобождения. Особенно примечательной фигурой был бригадир рыбаков Норик Иванович. Он был инвалидом (без одной ноги). Однажды я немного задержался с приездом, а экспедиция была уже на месте. Приезжаю, все опечалены, рыбаки не подключают электричество. Иду к рыбакам. Они в своем домике сидят за столом и пьют вино, закусывая хлебом и зеленым луком. Я со своим вопросом, а Норик Иванович и слушать не хочет и наливает мне стакан вина, а вино молодое виноградное. Я выпил и в первый момент не почувствовал опьянения, вино было таким вкусным. Норик Иванович наливает мне еще стакан. Я к нему опять с тем же вопросом относительно электричества. А он отвечает «Так электричество уже включено». Я оглянулся и вижу, что наш лагерь освещен. Я успокоился и выпил второй стакан. Надо сказать, что после второго стакана я уже ничего не помнил. Очнулся утром в каюте рыболовецкой фелюги, светит солнце, фелюгу приятно покачивает волна, вокруг никого нет. Мне было очень стыдно, что я оказался в такой ситуации. Я потихоньку выбрался на берег, добрался до своего домика и лег спать. Так как было еще очень рано, меня, по-видимому, никто не заметил.

На Большом Утрише была столовая, в которой мы питались. Заведовал столовой некто Федя, которого все почему-то называли «Федя-отравитель», хотя на моей памяти никто не отравился. Еда была очень дешевой, а рыбные блюда вообще были бесплатными. Иногда Федя выкатывал из холодильника бочку с пивом и это был праздник.

Экспедиция вела большую просветительскую работу. Прогулочные катера привозили группы отдыхающих, для которых мы читали лекции. После лекций слушатели задавали вопросы, которые порой были очень забавными. Например некоторые всерьез спрашивали, пьют ли дельфины водку и едят ли апельсины. На такие вопросы мы отвечали положительно и объясняли, что дельфины предпочитают армянский коньяк, но пьют только ночью. Когда никого нет они выползают на берег, пьют коньяк и закусывают апельсинами. Однажды после очередного полета наших космонавтов в космос мне пришлось читать лекцию по космонавтике по просьбе директора рыбцеха. Поскольку для меня это был экспромт, пришлось вспоминать и рассказывать все, что я знал о космосе, о Циолковском. Надо сказать, что слушали меня с большим интересом.

Вольеры, в которых находились дельфины, мы делали из сетей с ячейей 5 см, которые крепили к столбам, упиравшимся одним концом в дно, а другой конец которых выступал из воды. На нижнем конце столба крепился большой камень. Такие столбы рыбаки называют гундерами. На таких гундерах они крепят сети в море на мелководье. Запас столбов мы привозили с собой из Москвы, столбы заготавливали в Подмосковье по специальному разрешению. Наши столбы были из живого леса. Это обстоятельство привлекло внимание

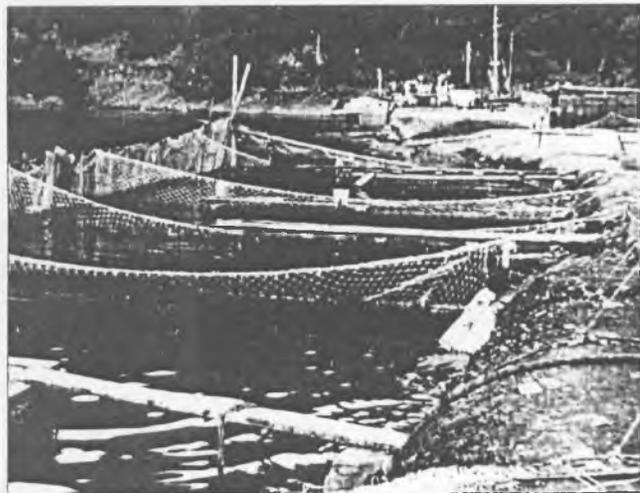

Рис. 2. Сетчатые вольеры. Малый Утриш. 1976 г.

рыбаков и местных пограничников. Дело в том, что рыбаки крепят свои сети в море на гундерах из сухого леса, а пограничники делают свои хозяйственные постройки типа землянок также из сухих бревен, которые служат очень недолго, их съедают древесные вредители буквально за один-два года. Рыбаки и командир заставы предложили мне обмен: наш живой лес на их сухие бревна. Я согласился, поскольку наши гундеры были нужны нам только на один сезон. Такой обмен значительно улучшил наши отношения с рыбаками и пограничниками. Пограничники часто выручали нас своей машиной, когда наша бывала в ремонте.

Сетчатые вольеры, в которых содержали дельфинов, представляли для них известную опасность: дельфины иногда цеплялись зубами за сетку и не могли освободиться. Если это случалось под водой, дельфин мог утонуть. Днем легко было заметить подергивания сети, свидетельствовавшее о том, что дельфин зацепился, и спасти его. Ночью такие случаи чаще всего заканчивались гибелью животного. Мы вынуждены были организовать ночные дежурства для своевременного обнаружения такой опасности. Дежурных было два человека – водолаз и обычный сотрудник. Сотрудник внимательно наблюдал за сетью, а водолаз спал. В случае подозрительного поведения сети сотрудник будил водолаза, он быстро погружался в вольер и освобождал дельфина из сети. Однажды я участвовал в таком дежурстве с одним из водолазов. Заметил подергивания сети и разбудил водолаза. Он подбежал к вольеру, но спохватился, что не снял с руки часы, вернулся, снял часы, положил их на камень у воды и бросился в вольер. Ему удалось спасти дельфина, но часов на камне он не обнаружил. Обыскали весь берег, мелководье, часов нет. Так и не нашли часы. Мистика какая-то. Впору обвинить меня в воровстве. Через несколько дней приходят к нам сотрудники соседней экспедиции и спрашивают, не наши ли часы к ним принесла собака. Оказалось, что это пропавшие часы. Надо сказать, что у нас с ними была общая приبلудная собака, очень ласковая и добрая. Но оказалось, что она еще и воришка. До этого случая мы за ней такого не замечали. А накануне у нас в экспедиции обнаружился чужой ботинок. Мы на это раньше как-то не обратили внимания. А теперь предъявили соседям ботинок и оказалось, что он принадлежит одному из их сотрудников. Так получило объяснение наше мистическое происшествие.

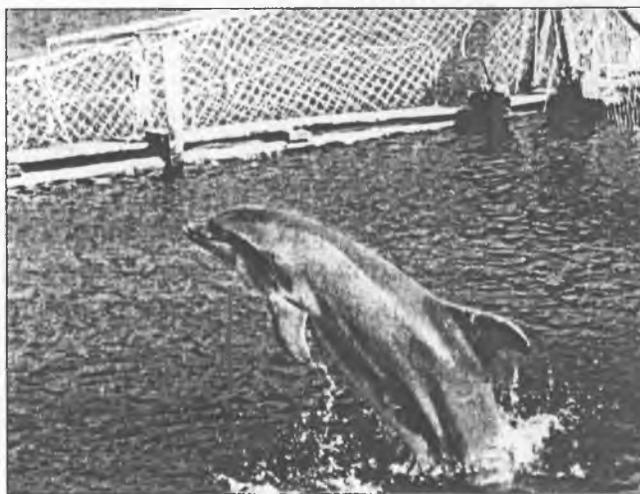

Рис. 3. Вольер с дельфином. Большой Утриш. 1972 г.

Большие проблемы возникали с приближением зимы. Куда девать оставшихся в живых дельфинов. Были две возможности – выпустить их в море или передержать в вольерах до весны. Использовали оба варианта: на начальном этапе работы с дельфинами оставшихся в живых просто выпускали в море. Потом пробовали передерживать в озере до весны. Для ухода за дельфинами (охрана и кормление) зимой на Утриш командировались сотрудники Института. Позже, когда заработал первый в Советском Союзе зрелищный дельфинарий в Батуми, мы оставшихся до осени дельфинов просто дарили багумцам.

Территория на Большом Утрише, на которой базировалась экспедиция, принадлежала городу Анапе. Мы пытались добиться выделения нашему Институту участка земли на Большом Утрише в бессрочное владение, но безуспешно. Нам предлагали участок земли на условиях аренды на 5 лет. Нас это не устраивало и были предприняты поиски нового места для экспедиции. Такое место было подобрано около поселка Малый Утриш в 10 километрах от Большого. В 1977 году вышло Постановление Президиума АН СССР о создании Утришской морской станции АН СССР. В 1982 году Институт им. А.Н. Северцова получил в бессрочное пользование 2 гектара земли в прибрежной зоне, а в 1995 году – еще 6 гектаров, включая озеро Соленое, площадью около 3 гектаров.

Пришлось заново обустроить территорию, налаживать быт и условия для работы. Завезли домики-временки, установили несколько разборных бассейнов, построили стационарный бассейн круглой формы диаметром 10 метров, глубиной 3 метра.

Организовали питание, поскольку «Федя-отравитель» со своей столовой остался на Большом Утрише. Соорудили огромный обеденный стол, за которым временами помещалось до 40 человек. Первое время питьевая вода была привозной, как и на Большом Утрише. Затем вырыли

Рис. 4. Биостанция на Малом Утрише. В верхнем правом углу видна «Каракатица». 1976 г.

Евгеньевич подписал им командировочные удостоверения, в которых было сказано, что они командированы в г. Анапу с заездом на Командорские острова. На обратном пути на корабле, доставлявшем их на материк, возник пожар, который удалось ликвидировать.

В двух километрах от биостанции находилось озеро (так называемое «Соленое озеро»), отделенное от моря узкой перемычкой. В этом озере также сделали сетчатые вольеры, в которых проводили биоакустические исследования и передерживали дельфинов и ластоногих в зимнее время.

По настоятельной просьбе анапских городских властей на озере Соленом был создан в 1984 году первый на территории Российской Федерации зрелищный дельфинарий, получивший название Утришского. На озере были сооружены трибуны для зрителей, сотрудники экспедиции читали лекции зрителям, приезжавшим на прогулочных катерах, демонстрировали выступления дрессированных дельфинов и ластоногих. Дельфинарий пользовался огромным успехом у отдыхающих Черноморского побережья от Анапы до Геленджика.

С озера на биостанцию дельфинов перевозили в кузове экспедиционной машины в брезентовых ваннах, наполненных водой. Я считался начальником экспедиции и по совместительству водителем экспедиционной машины в тех случаях, когда официальный водитель был не в состоянии самостоятельно сидеть за рулем. И вот однажды произошел курьезный случай. Я вез очередного дельфина с озера в экспедицию. В кабине был один и посадил попутчицу, которая шла пешком до Малого Утриша. Поговорили о том, о сем и она вдруг спрашивает, кто в экспедиции начальник. Я простодушно ответил, что начальник я, на что она недоверчиво усмехнулась и сказала, что каждый шофер мнит себя самым главным.

Поскольку биостанция приобрела официальный статус, надо было создавать штат биостанции, который в первые годы состоял только из одного человека – заведующего биостанцией. Первым заведующим биостанцией был Арабей Сергей Иванович. На его обязанности было обеспечение дельфинов кормом (как и раньше мороженой рыбой), строительство холодильника для хранения рыбы, строительство кухни. При нем началось строительство первого капитального дома, который вскоре сгорел, похоронив в цокольном этаже личный автомобиль Арабея.

Площадь в центре биостанции удлиненной формы в шутку называли Арабей-стрит. В зимнее время Арабей работал на переработке рыбы в рыбцехе, где в результате аварии потерял руку. Еще некоторое время он работал на биостанции, затем уволился. После Арабея С.И. заведующим биостанцией был Раздобудько А.И., а после него Варганян В.А.

Организация быта на биостанции была непростой задачей. Сотрудников набиралось до 40 человек. Их надо было кормить. Экспедиционная машина обеспечивала биостанцию продуктами. Рыба была своя (корм для дельфинов), которую в шутку называли «рыбой из братской могилы». Для работы на кухне брали в экспедицию поваров, в качестве которых ис-

колодец и обеспечили экспедицию водой. В море на расстоянии около 70 метров от берега соорудили большой вольер размером 10 м на 10 м. За этим вольером почему-то закрепилось название «Каракатица». Этот вольер соединили с берегом сетчатым коридором, в котором проводили биогидродинамические исследования. «Каракатица» служила для передержки животных. Морфологические и электрофизиологические исследования проводили в одном из домиков в специальных ваннах.

Кроме дельфинов на биостанции изучали также ластоногих, которые были привезены с Командорских островов. За ними ездили сотрудники Института Янов В.Г. и Поляков Я.Г. Владимир

пользовали добровольцев, преимущественно женщин, оформлявших у себя на работе очередной отпуск. Для мытья посуды после очередной еды назначались поочередно сотрудники экспедиции. Члены экспедиции, как правило, были с юмором и легко откликались на добрую шутку. Однажды после обеда, во время изнурительной жары, я посетовал, что хорошо бы сейчас выпить холодного шампанского. Сказал и забыл. Прихожу на ужин и вижу – на столе стоит дюжина бутылок ледяного шампанского. Это был приятный сюрприз. А с шампанским проблем не было – в 20 километрах от биостанции находился завод шампанских вин Абрау-Дюрсо.

На биостанции было много подводных работ: отлов и перевозка дельфинов, ремонт вольтеров. Для подводных работ брали в экспедицию водолазов.

В свободное время водолазы занимались подводной охотой и часто обеспечивали кухню первоклассной рыбой. Один год был особенно урожайным на подводную охоту. Водолазы добывали много очень крупных камбал. Рыбные блюда на кухне были каждый день. Многие уже отказывались есть рыбу за обедом. В таких случаях обычно остатками рыбных блюд угощали вновь прибывших, которые прибывали в экспедицию почти ежедневно.

В скором времени были построены капитальные здания столовой и гостиницы.

С местными пограничниками была такая же большая дружба, как и на Большом Утрише, основанная на обмене нашего живого леса на их сухой лес. Они также всегда шли нам на встречу в разных вопросах. Пока у нас не было своего источника воды, мы возили воду от пограничников. Они охотно подвозили наших сотрудников до города (Анапы или Новороссийска), когда наша машина была не на ходу.

В окрестностях Малого Утриша было очень много грибов (в некоторые годы). Причем грибы были гигантские, особенно опята. Сотрудники рюкзаками таскали грибы в экспедиционный лагерь. Грибные блюда не были редкостью на нашем столе. Еще одним продуктом, который собирали в большом количестве, был кизил.

Однажды биостанцию посетил Владимир Евгеньевич. Ему очень понравилась обстановка на биостанции. К сожалению он был не очень здоров и поэтому задержался ненадолго.

Однажды биостанцию посетила известная экстрасенс Нинель Сергеевна Кулагина в сопровождении своего мужа и академика Юрия Гуляева. Гуляев в то время серьезно занимался феноменом Кулагиной Н.С. Это было в конце 70-х годов. Кулагина Н.С. провела несколько демонстраций своих экстрасенсорных способностей: излучала звуковые импульсы с помощью своей ладони и вызывала ощущение сильного жжения путем прикосновения ладони к телу человека. Мнение сотрудников экспедиции об экстрасенсорных способ-

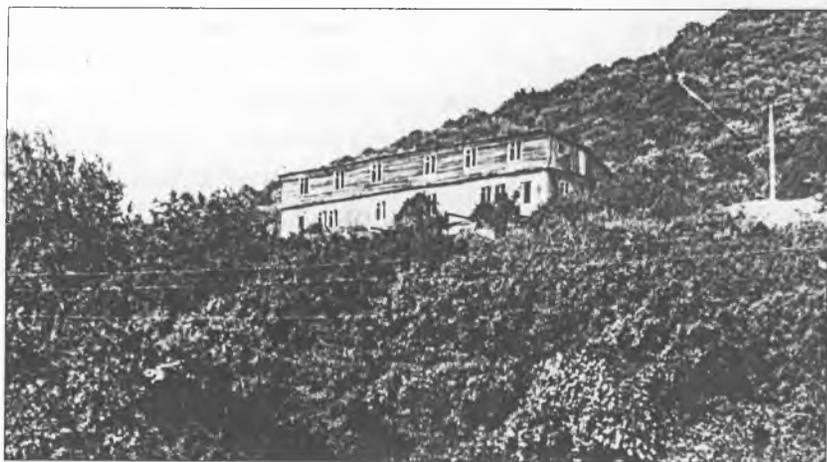

Рис. 5. Территория биостанции на Малом Утрише. Виден первый капитальный дом. 1972 г.

Рис. 6. Подогрев водолаза. Человек в гидрокостюме, которому за шиворот льют воду из чайника, Янов Виталий Георгиевич, воду льют я, на заднем плане выглядит Липатов Николай Владимирович, крайний справа – Марк Анатольевич Островский

ностями Кулагиной Н.С. было неоднозначным. Некоторые считали эти демонстрации шарлатанством. Что же касается меня, то я действительно слышал звуковые импульсы в виде тресков, достаточно хорошо слышимых, а что касается вызываемого ее ладонью жжения на теле, то я это жжение испытал на себе. Я не мог долго вытерпеть жжение и вынужден был прекратить эксперимент. Жжение она вызывала приложив ладонь к моей спине. После того, как Кулагина Н.С. убрала ладонь с моей спины, жжение сразу же прекратилось.

Я оставался руководителем (куратором) биостанции до 1995 года. В том году по моему представлению Владимир Евгеньевич назначил куратором Мухаметова Льва Мухарамовича. Биостанция получила дальнейшее развитие. Была создана ветеринарная служба, расширен штат, разработана и проверена на многолетней практике гуманная методика отлова дельфинов для научных исследований (по специальным разрешениям). В настоящее время заведующим биостанцией является Л.В. Абрамов.

Станция расположена на границе Утришского заповедника, с которым поддерживает нормальные деловые отношения. В свое время сотрудники Утришской станции и Института им. А.Н. Северцова принимали активное участие в борьбе за создание Утришского заповедника.

Идея, возникшая на рубеже 1969–1970 годов, о необходимости создания собственной биостанции на Большом и Малом Утришах, оказалась очень плодотворной. Наш Институт (а также некоторые сотрудники биофака МГУ) получили возможность беспрепятственно и бесперебойно работать с животными. Я имею в виду отделение Украины в связи с распадом СССР. За многие годы работы биостанции получен и опубликован богатейший научный материал.

В заключение я хочу выразить искреннюю признательность Льву Мухарамовичу Мухаметову за ценные замечания по тексту рукописи этой заметки, а также за нижеследующую справку о нынешнем состоянии станции.

СПРАВКА. В настоящее время Утришская морская станция является активно работающей базой для научных сотрудников Института проблем экологии и эволюции имени А.Н. Северцова РАН, а также для сотрудников других академических институтов и университетов. Станция имеет высокий международный авторитет, на ней ежегодно работают зарубежные специалисты (из США, Канады, Японии, Израиля и других стран). По своему основному профилю Утришская станция является научно-исследовательским дельфинарием. На ней проводятся разнообразные лабораторные исследования дельфинов и ластоногих (их нейрофизиологии, акустики, морфологии, суточных ритмов, ветеринарии и др.), а также полевые исследования черноморских дельфинов (их выбросов на берег, авиаучеты численности и др.). Кроме того, станция регулярно принимает для научной работы зоологов наземных животных, ихтиологов, географов и др. На станции расположен стационарный испытательный полигон для изучения климатических воздействий на разнообразные материалы и оборудование. Ежегодно станция принимает для производственной практики до сотни студентов-биологов Московского, Ростовского-на-Дону и других университетов страны. Станция способна принять для научной работы до 50 человек.

В статье приведены фото автора.

THE HISTORY OF UTRISH BIOLOGICAL STATION OF A.N. SEVERTSOV INSTITUTE OF ECOLOGY AND EVOLUTION OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (IEE RAS)

E.V. Romanenko

*A.N. Severtsov Institute of Ecology and Evolution, Russian Academy of Sciences,
Russia, 119071, Moscow, Leninskiy prospect, 33*

The prerequisites and the stages of formation of Utrish Marine Station of IEE RAS are described.